

НЕ ОБЕЩАЙ, ЕСЛИ НЕ СМОЖЕШЬ ВЫПОЛНИТЬ

ВИЛЬЯМ ЦВЕТКОВ

Дальше ПРЕДЕЛА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Вильям Цветков

Дальше предела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33321184

SelfPub; 2018

Аннотация

Когда дело касается прогнозов, мне становится смешно. Любых прогнозов – от погодных, которые, кажется, вообще никогда не сбываются (за окном солнце, а в это же время ведущий местного кабельного канала Грег Симпсон рассказывает про град и ливень над нашими головами), до букмекерских тотализаторов, в которых смешались деньги, ставки, кони, люди. Но есть один прогноз, который точно сбудется. Содержит нецензурную брань.

Дальше предела

– Уилл, как ты думаешь, завтра будет дождь или солнце? Я не знаю, что мне одеть на скачки, – Кейт копошилась возле огромного настенного зеркала, вывалив все содержимое встроенного шкафа на пол. Она брала вещи по очереди, примеряя каждую к себе – чуть изгибалась, разглядывая результат и склоняя голову на тонкой шее то в одну то в другую сторону. Потом откладывала платье или блузку слева от себя, нагибалась за следующей и процесс повторялся.

– Грег обещал дождь, значит будет солнечно и без осадков, – ответил я, разбирая пачку счетов, которые ежедневно на ранчо доставлял почтальон с утренней почтой.

Она засмеялась. Я невольно посмотрел на ее хлопоты и тоже улыбнулся: приятно, когда жена находится в приподнятом настроении – тогда, кажется, и дом, и все вокруг меняет свой цвет, начинает как бы светиться изнутри особенной теплотой.

В последнее время Кейт что-то сильно сдала, непонятно почему – она буквально исчезала, уменьшалась, словно некий демон терзал ее изнутри, поглощал ее задор, энергию, молодость. Такое случается, каждый из нас знает и боится произнести это вслух. Такое случается, Уилл.

– Ты любишь меня? – вдруг спросила она, став на мгновение очень серьезной.

Я снова отвлекся от счетов. Иногда женщины задают такие вопросы, желая удостовериться в очевидном, будто сказанное вслух это слово имеет совершенно иной, более значительный вес.

– Конечно люблю, Кейт, – ответил я. – И всегда буду любить, это точно.

– Не обещай, если не сможешь выполнить. – Она снова улыбнулась и вся ее мимолетная серьезность, от которой у меня сжалось сердце, исчезла как ни бывало.

Когда дело касается прогнозов, мне становится смешно. Любых прогнозов – от погодных, которые, кажется, вообще никогда не сбываются (за окном солнце, а в это же время ведущий местного кабельного канала Грег Симпсон рассказывает про град и ливень над нашими головами), до букмекерских тотализаторов, в которых смешались деньги, ставки, кони, люди.

Я родился прямо в поле, на ферме Рика Картрайта. Он до сих пор разводит фазанов, в двух милях от станции Пенн-лейн. Тетка Джинни, необъятная в размерах негритянка-хотушка, принимавшая роды, сказала матери: «Он станет знаменитым».

Не знаю, что тетя Джинни имела ввиду, но, судя по всему, она ошиблась.

Прогнозы – это по части Грега Симпсона. Да, и вот еще что: я с детства ненавидел фазанов – глупых, самодовольных, напыщенных куриц.

В 1987-ом мне стукнуло восемнадцать, я направлялся на ранчо местного конезаводчика Иржи Врочека, то ли румына, то ли чеха, спасшегося от рук гестаповцев в годы второй мировой войны и зайцем приплывшем в Америку на торговом судне “Либерти”.

Я намеревался получить у него работу, связанную с лошадьми. В кармане у меня лежало сопроводительное письмо от управляющего фермой по разведению фазанов Рика Картрайта, у которого моя мать проработала сорок три года и двести шестьдесят семь дней. Быть может, и мне уготована судьба провести с фазанами всю свою жизнь, однако неожиданно выяснилось, что у меня сильная аллергия на птичий

пух.

В обширной библиотеке управляющего я вычитал, как можно симулировать аллергию: целую неделю я натирал глаза соком лютика, при этом вызывался на уборку клеток птиц, – в результате, мое лицо опухло, глаза превратились в щелки, они сильно покраснели, воспалились, из них текли слезы почти нескончаемым потоком. Вызванный из Дулута врач констатировал аллергию на птиц, а именно, на фазаний пух, который хлопьями нависал с тонких прутьев вольеров. И действительно, стоило мне прекратить работать с фазанами – глаза тут же выздоровели.

Волей неволей Рику пришлось отпустить меня восвояси. Я обожал лошадей и он не смог отказать матери в сопроводительном письме своему старому другу, конезаводчику Иржи Врочеку.

– Сынок, – сказал он мне. – Только из уважения к Джес-сике, обычно я не пишу такие письма никому. Если тебе и правда нравятся лошади, то ранчо Иржи – это то, что нужно. – Он поправил три роскошных пера, свисавших с его ковбойской шляпы и хитро прищурился: – Надеюсь, у тебя нет аллергии на лошадей?

Стояло жаркое, удушливое лето, редкое в наших краях. Я вышагивал по проселочной дороге в сторону ранчо, до которого оставалось еще как минимум миль двенадцать, судя по кривым указателям, когда меня нагнала повозка, запряженная двумя лошадьми.

На козлах сидел старик в ободранном пиджаке, а в самой повозке – девчушка лет восьми.

– Подвезти вас? – старик притормозил лошадь рядом со мной. – Куда шагаете?

– На ранчо Иржи Врочека, – ответил я без особой надежды.

– Так это через двенадцать миль за мостом направо, а нам в Пеннилейн налево. Прыгай, довезем, если хочешь.

Сельское гостеприимство и взаимовыручка – великая сила американской глубинки. Я забрался в повозку, пытаюсь вытереть рукавом льющийся со лба пот.

– Хотите пить? – девочка протянула мне пластиковую бутылку с водой.

Я взял ёмкость и сделал длинный глоток. Холодная, почти ледяная вода вернула мне способность соображать.

– Спасибо. Откуда у вас такая холодная вода? – удивился я.

– Из колодца, – ответила девочка. – По пути набрали.

Я кивнул.

– Что-то жарко больно сегодня, – сказал старик, не поворачиваясь. – К грозе идёт.

– Солнце обещали, без дождя. Я и зонт не взял.

Старик усмехнулся. И я понял почему буквально десять минут спустя. Лошади втащили повозку на горку, колея, петлявшая в высоком кукурузном поле дальше спускалась вниз, уходя к горизонту, и если с одной стороны пригорка светило солнце, то с другой прямо на нас летела тёмная громада облаков.

– Что я говорил? – Старик закурил и пришпорил лошадей. – Надо бы где-то спрятаться.

Через пару минут налетел шквал, – редкое, в общем-то

дело для наших широт, небо затянуло полностью и повозка затормозила под старым раскатистым дубом, часть которого до сих пор ещё растёт по дороге в Дулут, не доезжая километра до развилки с Пеннилейном, куда и направлялись, как выяснилось, старик с девочкой.

Мы стояли, наблюдая, как молнии колотят в землю – их несло со стороны озера.

Дальнейшее я помню плохо.

Мощным ударом молнии дуб расколело пополам, часть его с треском повалилась на землю; обжигающий огонь разряда задел меня по касательной, слизнув кожу с руки и части спины, мощный, хлесткий толчок, змеей пробежавший по телу, отбросил меня на обгоревшую траву. Когда подоспела помощь, я почти не дышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.